МИР ШПИОНАЖА

Анатолий Терещенко

«СНЕГ», УКРОТИВШИЙ «ТАЙФУН»

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ
www.argumenti.ru • выходит по четвергам

Мир шпионажа

Анатолий Терещенко

«Снег», укротивший «Тайфун»

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Терещенко А. С.

«Снег», укротивший «Тайфун» / А. С. Терещенко — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2015 — (Мир шпионажа)

Неисчерпаема тема борьбы нашего народа, армии, разведки и контрразведки с противником в годы Великой Отечественной войны.О разведывательных и контрразведывательных операциях и их влиянии на политическую и военную обстановку в нашей стране написаны сотни книг. Об одной из самой засекреченных операций под названием «Снег», долгие годы находящейся в архивах под грифом «Совершенно секретно», ее организаторах, исполнителях и влиянии конкретных результатов операции на оказание перелома в битве с немцами под Москвой и на Дальневосточном театре военных действий пойдет речь в этой книге.В повествовании дан срез борьбы сотрудников военной контрразведки СМЕРШ против спецслужб милитаристской Японии.Гитлеровцы, вооруженные директивой Гитлера и верховного военного командования (ОКВ) № 35 от 6 сентября 1941 года – план «Тайфун», под Москвой потерпели первое крупное поражение. Немаловажную роль в разгроме фашистов у стен нашей столицы и укрощением «Тайфуна» сыграли сибирские дивизии, прибывшие из Забайкальского военного округа и Дальневосточного фронта, которые находились там на случай военной агрессии Японии против СССР.Откуда появился у Сталина этот оправданный риск преодоления опасности и понимание того, что больше всех рискует тот, кто не рискует, читатель найдет ответ в данном повествовании.Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

© Терещенко А. С., 2015
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2015

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 8
Глава 2 17
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Анатолий Терещенко
«Снег», укротивший «Тайфун»

Предисловие

Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит.

И. Гете

Московская битва, битва за Москву или под Москвой в истории Великой Отечественной войны имеет особое значение. Именно результат этой битвы поверг в замешательство стратегов Гитлера с обжигающими мыслями о том, что германская армия – всесильный вермахт – на фоне скоротечных сражений и триумфальных побед в Европе и в первые месяцы в Советской России может быть бита. Бита здесь, на подступах к советской столице, а задуманную стратегическую операцию «Тайфун» развеет ураган зимнего контрнаступления частей Красной Армии.

И еще одна яркая грань была обозначена в этом сражении не на жизнь, а на смерть: впервые после начала войны – а прошло практически полгода – на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками помимо вооруженных сил поднялись все народы Советского Союза.

Подобного размаха боевых действий, такой концентрации огромных масс личного состава с той и другой стороны, а также военной техники история войн еще никогда не знала. Это был первый крупный вклад нашей страны – СССР в серию предстоящих поражений и в дальнейшем окончательного разгрома агрессора.

Особая роль в управлении государством, влиянии ее на ход вооруженной борьбы принадлежала чрезвычайному высшему государственному органу СССР – Государственному Комитету Обороны (ГКО) во главе с его председателем И. В. Сталиным.

Лозунг «Все для фронта, все для победы!» повседневно и даже ежечасно претворялся в жизнь с первых и до последних дней войны.

Значимым был и такой высший орган стратегического руководства вооруженными силами СССР, как Ставка Верховного Главнокомандования.

Большую работу в разгроме немцев под Москвой проделал как основной оперативный рабочий орган Ставки ВГК – Генеральный штаб ВС СССР, возглавляемый Маршалом Советского Союза Борисом Михайловичем Шапошниковым, так и проявленный самобытный талант многих военачальников.

Как писал генерал армии В.Н. Лобов, «можно с уверенностью сказать, что в битве под Москвой мир впервые познакомился с плеядой будущих советских полководцев-победителей: А.М. Василевским, Л.А. Говоровым, А.И. Еременко, Г.К. Жуковым, И.С. Коневым и многими другими. Они даже в неравных с противником условиях сумели показать себя умелыми организаторами, подлинными архитекторами победы…».

В этот список можно с полной уверенностью ввести и таких грамотных управленцев войсками фронтов и армейскими объединениями, как И.Х. Баграмян, А.П. Белобородов, Д.Д. Лелюшенко, К.А. Мерецков, К.К. Рокоссовский, и многих других.

Как не отметить значение для защиты столицы московского ополчения. Целые дивизии собирались в штабах гражданской обороны города и практически без армейских навыков, а порой и без оружия, с указанием найти его на поле брани, выступали на защиту столицы.

Большую, если не главную силу поступательному движению вперед наших войск в разгар великой битвы за Москву придали свежие дивизии и отдельные полки из Забайкальского

военного округа и Дальневосточного фронта. На возможность их безошибочного использования, чтобы прогнать врага от Москвы и погнать его все дальше и дальше, оказал влияние ряд блестяще проведенных спецслужбами СССР (как органов госбезопасности, так и военной разведки) операций.

Одной из них была долгие годы глубоко засекреченная операция органов государственной безопасности «Снег», внесшая свой реальный вклад в дело разгрома немцев под Москвой, а в дальнейшем и Японии, о чем читатель узнает далее.

Мариэтта Шагинян о значении Московской битвы в статье «Оборона Москвы» писала, что «пройдут десятилетия – и тысячи страниц испишут о том огромном, что мы называем сейчас «Оборона Москвы». Ученые будут рыться в документах, в газетах; для художников станут драгоценными каждая мелочь, каждая черточка, уцелевшие от забвения и не поглощенные временем…».

Как-то отец-фронтовик признался: «Говорят, что на войне нельзя испытать ощущение полного счастья. Неправда! Мы тогда чувствовали себя самыми счастливыми людьми, потому что победа – это счастье».

И это была первая большая победа, и значит – первое ощущение огромного, всепоглощающего счастья.

Это счастье до сих пор испытывают наши люди!

Глава 1
Тайное возрождение германского милитаризма

«Горе тому, кто слаб!» – выкрикнет Гитлер, упиваясь своими реальными и рассчитанными при помощи своего Провидения будущими победами. Версальские вериги, которые носила на ногах Германия образца 20 – начала 30-х годов, все больнее и больнее врезались в сознание немцев. Они это воспринимали как политическое унижение, дурно влияющее на промышленное развитие страны.

Многие в Германии утверждали, что нация при таком подходе начинает деградировать и может скатиться на социальное дно из-за безработицы и разрушенной производственной базы. Эту боль уловил и на ней сыграл бывший ефрейтор Первой мировой войны, австриец по происхождению, Адольф Гитлер (Шикльгрубер).

В результате буржуазной революции в Германии в 1918 году была разрушена и сметена на свалку истории могучая Прусская военно-промышленная империя Гогенцоллернов. Всего полстолетия просуществовало это творение политического гения Бисмарка и военной машины Пруссии.

Адольф Гитлер понимал, что загнанная в тупик бывшая Веймарская республика обречена на прозябание, если не изменить политику и не создать новое, мощное государство на обломках старого.

Самую радикальную политику – восстановление единого государства, способного противостоять двум внешним силам: американскому еврейскому капиталу и Коммунистическому Интернационалу – могла и смогла предложить лишь новая партия Гитлера под патриотическим названием «национально-социалистическая партия». И что удивительно: Гитлеру удалось убедить в правильности пути народ Германии и ее промышленных королей.

Через полтора года страну нельзя было узнать. Она менялась на глазах. Стала чище по многим параметрам. За какие-то месяцы Германия разгромила внутренний бандитизм. Исчезло воровство, выжжена каленым железом коррупция. Остановлена гиперинфляция, появились признаки реального промышленного роста.

Но главное, у народа ожила вера в элементарный порядок, ментальный для немецкой нации. Стал вырисовываться понятный завтрашний день. Появилось осознание себя гражданским обществом, где все были равны, где не было ни правых, ни левых, изгоев из низших слоев и снобов из привилегированной элиты с циничной роскошью и паразитизмом существования. Больно били по рукам чиновничеству, лоббирующему бизнесменов, и предпринимателям, дающим взятки чиновничеству. Формировалась нация. Единая семья патриотов Германии, у которых была только одна Родина.

«Родина, семья, труд!» – кричали лозунги с фасадов домов, оград, растяжек.

Потом началось строительство автобанов, работающих до сих пор. И таким образом решалась проблема занятости немцев.

Поощрялся дух активности и предприимчивости в производственной сфере за счет удушения политического разгильдяйства, экономической неразберихи и морально-волевого воздействия на торгово-спекулятивную, финансоворостовщическую, коммерческую сферы.

Запрещались «колонки», качающие деньги из воздуха. Существовал жесткий контроль над выполнением социальных программ. Особое внимание уделялось воспитанию молодежи в духе общественного сознания с парадигмой национализма под лозунгами «Германия превыше всего! Германия для немцев!».

Патриотизм радикального толка с элементами обмана двигал страну к высоким технологиям и решению эффективных промышленных задач…

* * *

Но затем новоиспеченного фюрера, начавшего реформировать страну, «занесло на повороте». Он проигнорировал умный совет о том, что реформы следует начинать дома и здесь оставлять их. Он же нацелился на реформирование всего мира через так называемый «новый порядок». Что из этого получилось, сегодня знает каждый.

Условия разоружения по Версальскому мирному договору, который формально завершил Первую мировую войну вследствие соглашения между победившими союзниками, были явно кабальными для Берлина. Они превращали Германию во второстепенную страну, в страну земледельцев и пастухов, пивоваров и ремесленников, свинопасов и винокуров.

Победители ввели обременительные платежи по репарациям и другие санкции. Отобрали немецкие колонии в Африке и на Тихом океане. Вынудили немцев уступить свои исконные земли Франции, Бельгии и Польше. Россия от «Первой империалистической войны», как ее называла советская печать, ничего не получила, кроме двух революций и одной Гражданской войны.

Союзники старались навсегда искоренить грозную немецкую военную мощь. Не случайно большинство из 440 позорных для Германии статей этого договора, состоявших из 75 000 слов, касались военного разоружения.

Но гордая, старая немецкая армия, имевшая в своих рядах до войны два миллиона человек и богатые прусские военные традиции, к началу 1920 года насчитывала всего лишь 100 тысяч штыков. Службу сделали добровольной, так как воинскую повинность запретили. Добровольная армия в тех условиях для Германии была смерти подобна.

По договору, более 1 4 тысяч самолетов Берлин вынужден был передать союзникам, остальные летательные аппараты пошли на переплавку. Военно-морской флот сократили до 15 тысяч личного состава. Вместе с этим англичане 21 ноября 1918 года после подписания перемирия решили основную массу немецких линкоров, крейсеров, эскадренных миноносцев и торпедных катеров отогнать на шотландскую якорную стоянку Скапа-Флоу, где по условиям договора 70 немецких кораблей должны были распределить между флотами держав-победителей.

Морские офицеры во главе с вице-адмиралом Людвигом фон Рютером так возмущались явным уничтожением флота, что решили на большинстве крупных кораблей открыть кингстоны, дабы помешать их конфискации союзниками. Много боевых кораблей таким образом, к изумлению англичан, пошли ко дну – были затоплены.

Подводные лодки стали резать для сдачи в утиль. Прославленный немецкий генералитет и большинство старших офицеров пришлось распустить по домам.

Условия кабального Версальского договора стали известны 7 мая 1 91 9 года, и их суровость ошеломила немецкий народ, посчитавший, что его унизили, над ним надругались. Немцы вполне логично считали, что не может быть коллективной ответственности, ответственности всего народа за развязывание войны. Многие граждане полагали, что Германию вынудили к войне правители Франции и Англии, и они же подтолкнули Россию стать противником Берлина.

Веймарская республика не удовлетворяла желания народных масс. Ропот катился по Германии. Недовольство охватило униженную армию.

Хотя попытка в ноябре 1923 года «пивного путча», возглавляемого тридцатичетырехлетним Адольфом Гитлером – председателем только что образованной Национал-социалистской рабочей партии (НСРП), с целью свергнуть Веймарское правительство не увенчалась успехом,

однако немцы почувствовали появление новых сил. Лидера партии арестовали, но не надолго. По решению суда партия Гитлера – НСРП была поставлена вне закона, а председателю дали пятилетний срок.

Однако ровно через тринадцать месяцев начальник Ландсбергской тюрьмы лично сообщил заключенному камеры № 7 приятную новость – он досрочно освобождается.

Утром 20 декабря 1924 года Адольф Гитлер собрал нехитрые тюремные пожитки, в том числе часть рукописи своей книги, которую он писал в камере, обменялся на прощание рукопожатиями с сокамерниками и плюхнулся на сиденье прогулочного автомобиля своего друга Мэйбаха. Теперь он стал свободным человеком.

– Куда? – спросил его соратник, водитель и друг.

– Домой, а потом в нашу штаб-квартиру.

– Чем теперь будешь заниматься?

– Я начну все снова, с самого начала. Нужен новый путь развития…

Не напоминает ли этот ответ ленинскую тираду о том, что теперь «мы пойдем другим путем»?

Мэйбах посчитал слова друга пустым звуком в связи с состоянием формально закрытой гитлеровской партии, насчитывающей в тот период более 55 тысяч. Фактически партия стояла на краю гибели. Тем более что самому председателю партии запрещалось выступать публично. В случае нарушения требований властей ему даже грозила депортация на родину – в Австрию.

И все же у освобожденного лидера запрещенной партии было хорошее настроение. Он уже все обдумал, поэтому четко представлял дальнейшие свои ходы, сообразуясь с ситуацией.

Во-первых, во время отсидки на политическом горизонте у него не появилось какого-либо серьезного соперника, способного заменить лидера партии.

Во-вторых, политический и экономический хаос, характерный для первых лет Веймарской республики, создавший атмосферу разочарования и брожения при разгуле экстремистских групп, существенно ослабел.

В-третьих, разорительная инфляция, поглотившая сбережения миллионов германских семей, была остановлена.

В-четвертых, как ни странно, безработица пошла на убыль и т. д. и т. п.

Тяжелый пресс репараций, наложенный на Германию после Первой мировой войны, уменьшился до терпимого веса. Немецкая промышленность с помощью американских кредитов стала постепенно возрождаться.

Авторитетный и энергичный министр иностранных дел республики Густав Штреземан настоял на выводе французских оккупационных войск из одного из самых промышленных районов Германии – Рура.

Через две недели после освобождения из Ландсберга Гитлер встретился с баварским премьер-министром Генрихом Хельдом. Он решил заверить его, что ему не стоит бояться национал-социалистов, так как у них главный враг – коммунисты. С ними они ведут непримиримую борьбу. А потом попросил снять запрет на деятельность нацистской партии и ее органа – газеты «Фелькишер беобахтер», а также разрешить его публичные выступления.

Нацистская газета вновь появилась в Мюнхене 26 февраля 1925 года с редакционной статьей Гитлера под названием «Новое начало». Статья призывала рассорившихся членов партии объединиться в борьбе с коммунистическим движением, марксизмом и его создателями – евреями.

Под влиянием министра юстиции Франца Гюртнера, симпатизировавшего нацистам, Хельд распорядился снять запрет НСРП, заметив при этом своему подчиненному:

– Дикий зверь контролируется. Мы можем позволить себе ослабить цепь.

На следующий день после выхода газеты Гитлер решил собрать своих единомышленников в пивном баре «Бюргер-бройкеллер» – месте, где был провален путч. Это было первое

публичное выступление будущего фюрера Третьего рейха после суда перед тремя тысячами его приверженцев.

Как казалось собравшимся, он после тюрьмы сделался еще более матерым пропагандистским бойцом. Суровый вид его лица подчеркивали две глубокие складки кожи, расходившиеся от крыльев носа к щекам, и уставшие, глубоко посаженные глаза. Обиженные властью во все времена и во всех странах делаются, как правило, кумирами толпы. Двухчасовая речь руководителя партии не разочаровала слушавших его однопартийцев.

Он кричал о том, что «марксизм будет побежден доктриной высшей правильности и жестокостью ее исполнения». Провозгласил, что в борьбе возможны только две развязки: «либо враг перешагнет через наши тела, либо мы пройдем по его трупам».

Это выступление разозлило правительство. Гитлеру снова запретили публично выступать. Из семнадцати земель запрет сохранялся теперь в тринадцати. В четырех он мог свободно излагать свои мысли с трибун перед аудиторией. Однако эти препятствия оказались не такими непреодолимыми.

На выборах в рейхстаг нацисты получили лишь три процента голосов избирателей. Казалось, что Германия постепенно успокаивается. Но данные полицейских сводок пророчески утверждали, что цена освобождения лидера НСРП может быть в дальнейшем очень высокой и дестабилизирующей страну.

В одной из обобщенных полицейских справок говорилось:

«Благодаря своей энергии Гитлер снова будет основной силой новых, серьезных общественных беспорядков и угрозой для безопасности страны».

Предсказания полицейского документа стали постепенно подтверждаться. Спокойствию Германии пришел конец после 1929 года, когда всемирная Великая депрессия ввергла страну в новую социальную и экономическую турбулентность.

Пять относительно тихих лет уплыли в Лету. За это время главный подстрекатель и будущий фюрер, предусмотрительно выждав время, создал преданную ему организацию, теоретические выкладки которой были заложены в книге «Mein Kampf» («Моя борьба»). Первоначальное, тюремное ее название было длинное: «Четыре с половиной года борьбы с ложью, тупостью и трусостью».

После окончания экономической депрессии общественная жизнь в Германии изменилась. В каждого немца в очередной раз вселился страх перед завтрашним днем. Этим и воспользовался будущий фюрер *(нем.* лидер. – *Авт.)* партии. Путем запугивания, угроз, обещаний, стравливая политических врагов, а нередко и физически их устраняя, он добился диктаторской власти.

Фантастическая самоуверенность, решительность и твердая вера в правоту своих действий благотворно накладывались на соратников, видевших в Гитлере вождя, гения, Мессию, ведомого Провидением.

* * *

Размышляя о ненавистном для немцев Версальском договоре, один из берлинских журналов 1926 года изобразил договор как вздымаемый руками из могилы надгробный камень с надписью: «Здесь похоронена правда!» Сверху на камне имелось карикатурное изображение Франции, Японии, Италии, Англии и США.

И все же Германия выдержала сильнейшие удары договора. Постепенно желание перевооружиться стало все больше и больше занимать умы не только военных, но и политиков.

Военные открыто разглагольствовали, что «договор – пустышка», что надо «думать о новой сильной армии».

Как офицер генерального штаба в период Первой мировой войны, герой Горлицкого прорыва в 1915 году на Восточном фронте, 54-летний генерал-майор Ганс фон Сект в одной из своих статей писал:

«Самое важное, что ни мирный договор, ни враг не могут отобрать у нас мужественную мысль. Когда судьба снова соберет немецкий народ под ружье, – а этот день неизбежно наступит, – тогда она отыщет людей не слабовольных, которые дружно возьмут праведное оружие. Не важна форма такого оружия, если им будут владеть стальные руки и железные сердца».

Через три месяца после того как эти слова были написаны генералом, его назначают начальником управления сухопутными войсками. По существу, он стал командующим оставленным по договору 100-тысячным войском и в дальнейшем сделал очень многое, если не все, для возрождения немецкой армии.

Заработала промышленность, восстанавливали и запускали заводы и фабрики. Германия в лице генерала Секта и промышленника Круппа понимала, что надо поворачиваться в сторону Советской России, где есть сырье и нет западных соглядатаев.

Сект учредил в генеральном штабе особое подразделение, которое называлось «специальная группа по России», для налаживания деловых контактов с Красной Армией. В ходе переговоров родились две секретные военные школы на территории Советской России в виде авиабазы в Липецке и танкового центра около Казани.

Чтобы усыпить бдительность бывших победителей, в списке которых России не было, в 1925 году немецкие солдаты в штатской одежде нелегально прибывали в Советский Союз, чтобы учиться летать на самолетах и водить танки.

Дело в конспирации доходило до того, что высокопоставленные генералы рейхсвера совершали инспекционные поездки в учебные центры под видом членов мнимых делегаций рабочих-коммунистов из Германии, хотя все они были монархистами или аристократами.

Специальная группа по России вошла также в сферу торговли и производства. Используя правительственные фонды, она образовала частный торговый концерн под названием ГЕФУ (GEFU) – аббревиатура для безобидного названия «Компания для содействия промышленным предприятиям».

За короткое время немецкие промышленники основали и стали управлять рядом предприятий в Советском Союзе: в Самарской области заводом по производству отравляющих газов, в Филях под Москвой строили военные самолеты и моторы к ним, в Туле, Ленинграде и Шлиссельбурге выпускали артиллерийские снаряды. Выпуск продукции на этих заводах делился поровну между рейхсвером и Красной Армией.

В связи с этим произошел один интересный, многоговорящий эпизод, связанный скорее не столько с экономикой, сколько с нашей ментальностью. В выпущенной партии из 900 тысяч снарядов в Германию прибыл груз только с 300 тысячами тяжелых артиллерийских снарядов. Обман вскоре вскрылся…

Сект знал, что советское участие являлось лишь временной мерой.

* * *

Приход Гитлера к власти подробно описан в литературе и публицистике, поэтому нет надобности в повторении, да и книга посвящена другой теме.

Согласно своему правилу, фюрер утверждал, что «прежде чем побеждать внешних врагов, надо сперва уничтожить противника внутри своей страны». С этим у него получилось быстро и масштабно через штурмовые отряды головорезов Рема (СА), эсэсовские подразделения, а потом части и соединения (СС) Гиммлера, а также подключение всей системы (РСХА) и подкрепление этой внутренней борьбы идеологией пропагандиста нацизма, его барабанщика – Геббельса.

Весной 1935 года Германия официально отказалась от соблюдения всех военных статей Версальского договора и ввела запрещенную ей всеобщую воинскую повинность. В марте 1936 года Берлин в одностороннем порядке расторг «гарантийный» Локарнский договор и оккупировал Рейнскую демилитаризованную зону.

Восточные границы Франции вновь услышали немецкую речь и рев танковых моторов. Рейнская область превратилась в фашистский плацдарм для нападения и территорию с высокой концентрацией промышленного производства.

Английский историк Дж. Уиллер-Беннет отмечал:

«Гитлеру было позволено выиграть первую битву Второй мировой войны, не открывая огня».

Сказано точно.

Труднее всего пришлось Гитлеру с наращиванием военного потенциала, – стальные мускулы приходилось качать долго и скрытно от вчерашних противников. Но скоро он справился и с этой задачей. Тайное возрождение милитаризма, реставрация германского военного потенциала проходили на фоне политической нестабильности и экономического хаоса.

В 9 часов утра 2 августа 1934 года после продолжительной болезни в возрасте 87 лет скончался президент Германии фон Гинденбург. Три часа спустя Гитлер уничтожил должность президента и стал именоваться фюрером и рейхсканцлером, осуществив тем самым свою давнюю мечту стать диктатором Германии.

В тот же день солдаты Третьего рейха (так отныне именовалось государство) приняли присягу, но присягали они не республике или конституции, а лично фюреру. Текст присяги был написан будущим фельдмаршалом Вальтером фон Рейхенау, бесславно отдавшим жизнь на Восточном фронте.

В ней говорилось:

«Перед богом я даю эту священную присягу в том, что буду оказывать безусловное повиновение Адольфу Гитлеру, фюреру германского рейха и народа, верховному главнокомандующему вооруженных сил, в том, что я готов, как подобает мужественному солдату, по первому зову выполнить эту присягу хотя бы даже ценой своей жизни».

Эта присяга исключала возможность участия офицерского корпуса в заговоре против Гитлера, поскольку требовала от них личной верности самому фюреру. Сила присяги была такова, что большинство офицеров не предпринимало никаких действий по смещению Гитлера даже тогда, когда армия начала разваливаться и враг стоял у самых границ рейха или окружал Берлин.

Немного опередим события.

Для командующего группой армий «Юг» Вальтера фон Рейхенау присяга дала возможность выдвинуться и расти в собственной карьере, закончившейся вместе с жизнью на Восточном фронте.

Несмотря на мороз, 12 января 1942 года фельдмаршал отправился на обычную утреннюю пробежку по пересеченной местности со своей штаб-квартиры в Полтаве. Немного позже в

офицерской столовой он неожиданно потерял сознание и упал. Врачи быстро установили диагноз – сердечная недостаточность. Пять суток он находился в коме, а 17 января еще живого, но без сознания, его привязали к креслу самолета и отправили в Лейпциг. По дороге самолет попал в аварию, и Рейхенау получил, ко всему прочему, серьезную черепно-мозговую травму. Вечером того же дня самолет приземлился на Лейпцигском аэродроме, но генерал-фельдмаршал был уже мертв.

Теперь у Гитлера главный козырь уже был в руках – подчиненная только ему новая, быстро развивающаяся армия на фоне рванувшей к перевооружению немецкой промышленности.

* * *

Несмотря на то что армия, казалось, была в кармане фюрера, Гитлер не мог оставаться в стороне от ежедневных ее нужд и всякий раз пытался укрепить свои отношения с рейхсвером, а потом и вермахтом. Он завоевал авторитет у многих адептов его взглядов на развитие государства через наращивание военного производства. Фюрер учтиво и с уважением обходился при встречах и беседах с генералами, соглашавшимися с необходимостью милитаризации.

В январе 1934 года, выступая по случаю первой годовщины нахождения на посту канцлера, он заметил, что рейх стоит на «двух колоннах»: партийной и армейской.

Многих офицеров это подкупало, как и то, что он, на первый взгляд, не вмешивался во внутренние дела армии. Особенно это касалось продвижения по службе. Гитлер мог позволить эту роскошь, так как доверял авторитетному министру обороны генералу Вернеру фон Бломбергу – высокому, красивому, стройному арийцу, который любил носить хорошо подогнанную форму и умело справлялся с вопросами служебного роста своих подчиненных, не доводя их до состояния проблем.

Еврейская писательница Белла Фромм так описывала Бломберга в 1933 году:

«Рассудительный человек, если не считать его слепого преклонения перед Гитлером… Пробыв прусским солдатом всю свою жизнь, он, тем не менее, на удивление хорошо воспитан. Он обладает способностью к критическому мышлению и гибкостью ума. И все же теперь он начал восхвалять Гитлера. Его глаза светятся подлинным экстазом. Он назвал Гитлера «одним из величайших людей всех времен».

Бломберг зарекомендовал себя способным армейским организатором и преданным соратником канцлера. На одном из совещаний он заявил своим генералам:

– Фюрер умнее, чем мы. Он спланирует и выполнит все совершенно правильно.

А подтверждение «правильности» заключалось в том, что военный министр постепенно ввел нацизм и его атрибутику в армии и на флоте. Это был процесс так называемой «нацификации» армии. Так, он своим приказом от 15 мая 1933 года обязал военнослужащих отдавать честь всем нацистам, одетым в форму нацистской партии, и узаконил гитлеровское приветствие с выбрасыванием вперед руки с криком «Хайль Гитлер!».

При Бломберге произошли изменения армейских знаков различия на кителях и фуражках – он вставил нацистскую свастику в когти традиционного орла старой императорской армии.

Несмотря на то что его последней женой, как оказалось позже, была еврейка, в прошлом проститутка, он вычистил армию от евреев, за исключением бывших фронтовиков. Бломберг запретил военнослужащим браки с еврейками и покупку товаров в магазинах, принадлежащих лицам еврейской национальности и даже их родственникам других рас.

Руководитель 3-миллионной армии, называемой штурмовыми отрядами СА, Эрнст Рем вынашивал план поглощения рейхсвера штурмовиками. Этот план «министра без портфеля», испугал не только Бломберга и политическую элиту, но и самого фюрера.

Наверху было принято решение разогнать армию штурмовиков.

В ночь на 30 июня 1934 года прошла операция под кодовым названием «Колибри» – операция кровавой расправы Гитлера над штурмовиками СА. Она вошла в историю как «ночь длинных ножей».

Дальновидный Бломберг, чтобы не замарать себя и армию убийствами, не отдавал приказ на непосредственное участие армейских подразделений в операции. Он только снабдил оружием головорезов СС Гиммлера для разгрома штурмовиков. Руководитель СА Эрнст Рем, отставные генералы Курт фон Шлейхер – бывший министр обороны и канцлер и Фердинанд фон Бредов были застрелены на месте, так как оказали сопротивление при аресте. Молодчики Гиммлера обвинили их в изменнической деятельности.

Потом, когда дело было сделано, поднялся кипеж в среде оставшихся в живых штурмовиков, занимавших высокое положение в обществе. Гитлер вынужден был солгать, да так, как говорится в народе, что за пазуху не уберешь. Он заявил, что Шлейхера и Бредова убили по ошибке, а их имена будут восстановлены в почетных книгах их полков. Но об этом обещании, естественно, новые власти вскоре забыли…

* * *

С 1936 года Бломберг начал терять свою репутацию. Гитлера стали раздражать неожиданно появившиеся его призывы более лояльного обращения с евреями. Фюрер был недоволен поведением фельдмаршала во время ремилитаризации Рейнской области и его резким выступлением против вмешательства Германии в ход гражданской войны в Испании.

Бломберг придерживался мнения, что Берлин, впутавшись в сложную средиземноморскую политику, мало что приобретет, зато очень много может потерять. Он называл эту помощь Франко ничем иным, как авантюрой, считая испанского правителя диктатором.

В вопросах стратегического планирования Бломберг начиная с 1 936 года стал больше внимания уделять оборонительным вопросам. Эта осторожность основывалась на убеждении, что германская армия растет слишком быстро и в качественном отношении ее личный состав еще не готов к войне. Так бывает с юношами, когда при калорийном питании и гиподинамии кости растут быстрее, чем мышцы и мозги.

Несмотря на растущую мощь армии, положение Бломберга не только не укрепилось, но, наоборот, еще более пошатнулось. Реноме катастрофически снижалось.

Дело в том, что на совещании 5 ноября 1937 года Гитлер сообщил собравшейся военно-политической элите о намерении со следующего года начать поэтапное осуществление завоевания «жизненного пространства методом блицкрига». В первом пункте этого плана стояла Чехословакия.

Бломберг, главком сухопутных войск генерал-полковник Вернер фон Фрич и ряд других генералов смело заявили, что армия еще не готова к ведению большой европейской войны. Даже Геринг, главком люфтваффе, засомневался и предложил сначала развязаться с Испанией. А вот хозяин германского флота адмирал Редер в основном отмалчивался.

Однако Гитлер заставил генералитет принять его сторону. В декабре 1937 года он уже одобрил план операции «Грюн» («Зеленый») по захвату Чехословакии.

Это был очередной удар по Бломбергу, который к этому времени увлекся стенографисткой в одной из имперских комиссий. Он овдовел еще в 1932 году. И вот произошло знакомство со стройной, белокурой, с серо-голубыми глазами Евой Грун. Он не знал, что она еврейка, что занималась проституцией и что позировала для порнографических открыток и журналов.

Но любовь – это всегда эгоизм вдвоем и взаимное святотатство или награда, полученная без заслуг. В конце концов брак был оформлен, свадьба состоялась. Но многие офицеры и генералы, в том числе и его друзья, не одобряли выбор авторитетного генерала.

Кейтель 27 января 1938 года стал уговаривать Бломберга подать на развод. Бломберг возмущенно ответил, что любит Еву, несмотря на давнее прошлое, которое ему известно. Он предпочел Еву армии и навсегда остался за ее пределами.

Гитлеру теперь нужны были генералы-автоматы, смотрящие ему не в глаза, а в рот, – покорные, приручeнные, верноподданные, понимающие, что, когда люди начинают поклоняться, они начинают расти. Эту мысль фюрер достаточно убедительно вколачивал в умы своих подчиненных.

Учитывая прежние заслуги фельдмаршала, Гитлер отдал приказание о том, чтобы Бломберг до конца войны получал фельдмаршальское жалованье.

Арестованный американцами в конце войны, он давал показания на Нюрнбергском процессе. Судьям Международного военного трибунала он заявил:

– До 1938–1939 годов германские генералы не находились в оппозиции к Гитлеру. Для этого не было никаких причин, потому что он добивался результатов, которых они желали.

Находясь в Нюрнбергской тюрьме, он испытал к себе неприязнь сослуживцев. Многие его коллеги и подчиненные продолжали отворачиваться от него, не подавали руки, подвергая его элементарному остракизму. Даже когда он лежал на смертном одре тюремной койки, изъеденный раковой болезнью, Браухич так и не зашел к нему, чтобы проститься.

Он скончался 14 марта 1946 года в Нюрнберге.

Американцы похоронили Бломберга без всяких церемоний и почестей в безымянной могиле.

Глава 2
Завоевание Центральной Европы

Международная обстановка, в которой развернулась борьба между империалистическими странами и группировками за новый передел мира в 30 – 40-х годах, существенно отличалась от положения накануне Первой мировой войны. Если тогда империалистические государства лишь начинали переходить от передела колоний к подчинению развитых капиталистических государств, то теперь агрессивные державы планировали их порабощение через завоевательные походы.

За четверть века, разделившие начало Первой и Второй мировых войн, в мире произошли глубокие изменения. Изменилось соотношение сил мира и войны. Возникновение и успешное развитие первого в мире государства, как тогда трактовалось нашей идеологией, «страны рабочих и крестьян» – Советского Союза углубило общий кризис капитализма из-за сужения сферы господства капитала.

После распада Австро-Венгрии в результате Первой мировой войны на политической карте Европы оказалось два немецких государства – Германия и Австрия. Последняя нацистами считалась нежизнеспособной и искусственно образованной ввиду своих небольших размеров страной, потерявшей все основные промышленные мощности и сельскохозяйственные угодья.

Нужно сказать, что движение за воссоединение стран было достаточно сильным с обеих сторон, особенно в период непосредственно после Первой мировой войны, однако оно искусственно сдерживалось странами-победительницами. В статьях Версальского протокола и других документах – Сен-Жерменских договоров 1919 года и Женевских протоколов 1920 года – имелись конкретные статьи, запрещающие аншлюс *(нем.* – присоединение).

Но на то и политика, которая, по оценке Отто фон Бисмарка, есть не только искусство возможного, но и еще, как он называл политику, «не точная наука». Часто, очень часто политика является управлением общественными делами ради выгоды частного лица. В данном случае частным лицом выступал сам фюрер Третьего рейха, который проводил такую политику, где эхо предшествует событиям.

Руководство Германией прекрасно знало и видело контуры финала существования «суверенной Австрии», но все равно старалось играть в добропорядочность перед мировой общественностью. В марте 1931 года правительства Австрии и Германии выступили с предложениями о таможенном союзе. В октябре 1 933 года пункт об аншлюсе был снят из программы австрийской социал-демократии.

Австрийский канцлер Энгельберт Дольфус 19 июля 1 933 года запретил деятельность НСДАП на территории Австрии. После того как правительственные войска и хеймвер («Союз защиты родины» – вооруженные отряды в Австрии (1919–1938 гг.), созданные австрийской буржуазией для борьбы против рабочего движения) разгромили участников февральского восстания 1934 года, в стране начался хаос.

А по существу это была скоротечная гражданская война.

Дольфус консолидировал союз правых сил и церкви. Он тут же утвердил так называемую «майскую конституцию» 1934 года, заимствовав основные положения у Муссолини. В отличие от прочих ультраправых режимов тех лет австрийский фашизм опирался на прочную поддержку церкви и отрицал саму возможность иностранного, в том числе, а скорее и в первую очередь германского, влияния на политику Австрии.

В ответ на это 25 июля 1934 года 154 эсэсовца – австрийцы из 89-го австрийского батальона СС, переодетые в форму австрийской гражданской гвардии, ворвались в канцелярию и захватили канцлера Дольфуса.

– Кто вы и почему бандитски ворвались в мой кабинет? – вскричал канцлер.

– Мы патриоты Австрии и требуем от вас одного – отречения! – медленно сквозь зубы процедил старший команды эсэсовцев.

– Меня выбрал народ, и перед ним я отчитываюсь. Только он может потребовать моей отставки.

– Вы не справляетесь со своей должностью, поэтому требуем от вас добровольного отречения в пользу истинного австрийца Ринтелена.

Дольфус знал этого сторонника германского фашизма как отпетого националиста.

– Ничего у вас не выйдет. Силой меня не уберете, – не скрывая своего возмущения, нервно произнес хозяин кабинета.

– Уберем, – закричал старший бандит и выстрелил в упор, тяжело ранив канцлера. Он тут же перешел на «ты»: – Вот тебе ручка и бумага, пиши скорее, каналья, отречение, иначе не позовем ни врача, ни священника, и подохнешь, как собака.

– Не подпишу, – клокотала глотка сгустками крови. Через два часа Дольфус скончался.

Тем временем верные канцлеру правительственные войска окружили здание парламента, а Муссолини, узнав о происшествии, послал на помощь своему любимцу пять дивизий.

Новым канцлером стал Курт фон Шушниг, глубоко понимавший обстановку. Стремясь оттянуть развязку, 11 июля 1936 года он заключает договор с Германией. Третий рейх, в свою очередь, «признает» суверенитет Австрии и обещает не вмешиваться во внутренние дела соседки.

Авторитет Гитлеру создают не только его дела, но и слова. Он ораторствует прицельно и под овации и рев залов. Партийный рупор нацистов – газета «Фелькишер беобахтер» о выступлении Гитлера 9 ноября 1935 года пишет:

«Он стоит, как монумент, уже превышающий масштабы земного».

Вильгельм Кейтель, которого за абсолютное послушание Гитлеру генералы прозвали Лакейтель, о своем шефе писал:

«Такое может только гений!»

* * *

Вернемся на несколько лет назад.

Политика двойных стандартов на Западе живуча и стара как мир. В ноябре 1937 года руководитель внешнеполитического ведомства Великобритании, министр Галифакс во время встречи и переговоров с Гитлером дал от имени своего правительства согласие на «приобретение» Германией Австрии. Чуть позже, 22 мая 1938 года британский премьер Чемберлен заявил в парламенте, что Австрия не может рассчитывать на защиту Лиги Наций:

– Мы не должны обманывать, а тем более не должны обнадеживать малые слабые государства, обещая им защиту со стороны Лиги Наций и соответствующие шаги с нашей стороны, поскольку мы знаем, что ничего подобного нельзя будет предпринять.

Это был торг, ничего в политике Запада не изменилось и по сей день. Он коварен в своих заблуждениях и надменности.

Канцлер Шушниг 12 февраля 1938 года был срочно вызван в гитлеровскую резиденцию Берхтесгаден, где под угрозой немедленного военного вторжения вынужден был принять уль-

тиматум, фактически ставящий страну под контроль Германии и превращающий ее практически в провинцию Третьего рейха.

В ночь с 11 на 1 2 марта германские войска в соответствии с планом «Отто» вошли на территорию альпийской страны, армия которой тут же капитулировала без какого-либо сопротивления.

Чтобы хоть как-то сохранить лицо, Шушниг и немцы организуют фарс – плебисцит о необходимости объединения в день «чертовой дюжины» 1 3 марта 1 938 года с заранее известным результатом: в Германии «за» подало 99,08 % населения, в Австрии – 99,75 %.

В 4 часа утра в Вену под охраной роты СС в качестве первых представителей немецкого правительства прибыли Гиммлер, Шелленберг и Гесс. Шушнига отстраняют от должности и отправляют в концлагерь.

В тот же день Гитлер торжественно въехал в Вену в сопровождении шефа Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) Кейтеля, и тут же был опубликован закон «О воссоединении Австрии с Германской империей». Теперь Австрия считалась одной из земель Германии под названием «Остмарк». Территория Третьего рейха увеличилась на 17 %, а население – на 10 %. В состав вермахта были включены и шесть австрийских срочно сформированных из опытного воинства полнокровных дивизий.

Аншлюс Австрии явился прологом всех остальных событий по захвату стран в Центральной Европе с последующим началом Второй мировой войны – нападением на Польшу.

Не прошло и двух месяцев с момента появления нацистов в Вене, как угроза вторжения гитлеровцев нависла над Чехословакией. Гитлер был убежден, что руководители Англии и Франции не окажут противодействия ее захвату.

Чехословацкая республика, имевшая союзный договор с СССР и Францией, могла отстоять свою территориальную целостность и независимость, тем более что Советский Союз заявил о своей готовности оказать ей самую быструю и эффективную поддержку. Палки в колеса этим планам поставили Польша, заявившая, что не пропустит наши войска на помощь Чехословакии, и Франция, предавшая ее в Баварии.

Агент чехословацкой разведки «Карл», действовавший в Берлине, накануне вторжения немцев передал в Прагу ценное сообщение:

«Оккупация страны намечена на 15 марта 1939 года. Богемию и Моравию займут 4 (четыре) армейских корпуса. В 9:00 войска вступят в Прагу. Одновременно будет провозглашена «независимость» Словакии.

Операцию осуществят под видом «мирной акции в целях установления порядка». Поскольку сопротивление не ожидается, мобилизация в Германии проводиться не будет».

Шеф чехословацкой разведки Моравек немедленно передал полученную информацию сотруднику английской внешней спецслужбы майору Гибсону с одной целью: чтобы правительство Великобритании сделало все возможное для предотвращения нацистского вторжения. Гибсон обещал помочь, но у официального Лондона были уже другие планы…

Дело в том, что 29–30 сентября 1938 года на конференции глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии в Мюнхене состоялся преступный сговор, в ходе которого Германия в обмен на обещание сохранить мир в Европе получила себе Чехословакию. Приобретение было «жирным куском»: с 15-миллионным населением, развитым промышленным потенциалом и значительными стратегическими ресурсами.

Мюнхенская сделка стала примером лицемерия и насаждения двойных стандартов, которые живучи и до сих пор в однополярном мире – в мире силы и чистогана. Руководитель МИД Германии И. Риббентроп с издевкой говорил о роли английского премьера Н. Чемберлена:

«Этот старик сегодня подписал смертный приговор Британской империи, предоставив нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение».

А в самой Англии после Мюнхена резиденция премьер-министра на Даунинг-стрит, 10, была засыпана цветами, присланными со всех концов Англии. Чемберлена считали спасителем нации. Еще бы, ведь он предотвратил войну! Палата общин одобрила мюнхенские соглашения большинством 366 голосов против 144.

Лондонская газета «Таймс» 7 сентября 1938 года в передовице, явно заигрывая перед новым немецким канцлером, однозначно намекала Чехословакии передать Судетскую область рейху. В уступчивости чехов англичане видели элементы стабильности на континенте.

И словно реакция на эту провокационную передовицу – подчеркнуто агрессивная речь Гитлера 12 сентября на Нюрнбергском партийном съезде. Он откровенен в своих намерениях:

– Я ни при каких обстоятельствах не стану с бесконечным терпением взирать на дальнейшее угнетение наших собратьев в Чехословакии…

Немцы в Чехословакии не беззащитны и они не брошены на произвол судьбы.

Пусть это хорошо запомнят те, кого это касается.

Только после этой речи англичане начали прозревать, но было уже поздно, – Мюнхен не принес мира, он объявил войну миру.

Но Чемберлен продолжал заигрывать с Гитлером. В отосланном фюреру ночью 12 сентября послании британский премьер заявил о своей готовности немедленно приехать для личной беседы:

«Согласен прибыть самолетом и буду готов к отъезду завтра».

Когда почти семидесятилетний глава британского правительства прибыл в Бергхоф во второй половине дня после семичасового путешествия, Гитлер не соизволил спуститься с самой верхней ступени лестницы, ведущей в резиденцию, чтобы поприветствовать уставшего гостя.

– Господин канцлер, как вы мыслите присоединение Судетской области – мирно или вооруженным путем? – поинтересовался осторожный Чемберлен, прекрасно понимающий, каков будет ответ.

– Знаете, сэр, не время обсуждать технические проблемы развития. Убито 300 судетских немцев, и так дело дальше продолжаться не может, надо немедленно урегулировать эту проблему. Я твердо намерен решить это дело, и мне все равно, будет мировая война или нет, – ответил Гитлер.

– Я не понимаю, зачем мне было лететь так далеко и долго, чтобы получить от вас однозначный ответ – решить вопрос силой? – раздраженно возразил ему разочарованный англичанин.

– Спасибо за приезд на встречу. Я подумаю сегодня или завтра, нет ли все же мирного решения, – смягчился Гитлер…

Едва Чемберлен улетел в Лондон, как фюрер стал с присущей ему наглостью обострять кризис и продолжал свои военные приготовления против Чехии.

Профашистские элементы 14 марта 1939 года провозгласили самостоятельность Словакии. На следующий день Гитлер принял в Берлине президента Чехословакии Гаху и министра иностранных дел Хвалковского и предъявил ультиматум с требованием о недопущении всякого сопротивления при вторжении германских войск.

Немцы 15 марта 1939 года оккупировали Прагу.

По свидетельству очевидцев, несмотря на весну, поднялась вьюга, с утра мела настоящая метель. На обочинах стояли ликующие люди. Но это было лишь меньшинство – коллаборацио-

онисты, большинство отворачивались от проходящих мимо них воинских колонн или стояли молча.

Стояли со слезами бессилия, униженности и гнева. Многие рассуждали так: мол, против лома нет приема, но ворочали желваками. Некоторые намеревались, а потом и уходили в партизаны или готовились противостоять оккупантам в подполье. Один из бойцов движения Сопротивления в Словакии, резидент советской разведывательно-диверсионной группы НКГБ СССР майора Святогорова, действовавшего под псевдонимом «Зорич», – Штефан Халмовский выскажет со временем по этому поводу ясное умозаключение.

Он мудро заметит, что у человека, который ни рождением своим, ни делами, ни свойствами не принес никакой пользы, есть только имя, и сам он подобен слову, случайно произнесенному и ничего не значащему.

О подвигах этого человека читатель может познакомиться в книге автора «Под псевдонимом «Зорич» в главе «Явка Штефана Халмовского».

Когда Гитлеру сообщили, что с Чехословакией покончено, он, зайдя в кабинет к своим секретаршам и весь сияя от радости, воскликнул:

– А теперь, деточки, каждая поцелует меня в щечку!.. Это самый великий день моей жизни. Я войду в историю как самый великий немец.

Вечером того же дня в город прибыл сам фюрер и переночевал в Градчанском замке.

Лишь Советский Союз ясно и четко заявил свою позицию в связи с очередными разбойничьими действиями Германии, квалифицируя их как «произвольные, насильственные, агрессивные».

«Советское правительство, – говорилось в ноте от 18 марта 1939 года, – не может признать включение в состав Германии Чехии, а в той или иной форме также Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов».

У сильного, как говорится в басне, всегда бессильный виноват. После оккупации Чехии жертву стали рвать и соседи.

Так, посол Польши вручил МИД Чехословакии ультиматум Польского правительства с требованием передать в состав Польши Тешинскую область.

Мадьярский премьер-министр Б. Имреди заявил, что интересы венгерского меньшинства в Чехословакии обойдены, и потребовал передачи в состав Венгрии южной части Словакии и Закарпатья.

А спустя неделю после вступления в Прагу Гитлер отправился в Свинемюнде на борту тяжелого крейсера «Дойчланд» и взял курс на Мемель (Клайпеду). Небольшой город у северной границы Восточной Пруссии был аннексирован в 1919 году в сумятице послевоенного времени Литвой. Предъявление требований о его возврате стало теперь лишь вопросом времени.

Но чтобы придать этому акту драматизм, как писал Иоахим К. Фест, и элемент триумфальной силы, Гитлер дал указание довести 21 марта до сведения правительства в Каунасе требование «прибыть завтра самолетом» в Берлин для подписания документа о передаче города. Сам он, еще не будучи уверенным в ответе, вышел в море.

Пока Риббентроп «гахаизировал» литовскую делегацию, он (Гитлер. – *Авт.),* мучимый морской болезнью и плохим из-за этого настроением, запрашивал двумя нетерпеливыми радиограммами с борта «Дойчланд», может ли подойти к городу мирно или же придется прокладывать путь корабельными пушками.

Примерно во второй половине ночи 23 марта Литва согласилась отдать город, и в полдень Гитлер въехал в Мемель, вновь под ликование толпы.

А дальше были разработаны планы уничтожения Франции – под кодовым названием «Рот», захвата Англии – «Зеелеве», Швейцарии – «Танненбаум», Швеции – «Поларфукс», при-

соединение Финляндии к рейху, ввод немецких войск в Испанию и захват Гибралтара (соответственно планы «Изабелла» и «Феликс»).

* * *

Безболезненно захватив Австрию, Гитлер ускорил процесс внутренней психологической мобилизации, направленной на форсирование событий по захвату других территорий. В этот период он не раз повторял: «Во мне всегда жила мысль о том, чтобы бить». И он бил, обманывал, обещал, стращал и снова бил, бил и бил…

Итак, Мюнхенские договоренности от 29–30 сентября 1938 года развязали руки Гитлеру. Уже 24 октября 1938 года Германия, в лице руководителя МИД И. Риббентропа, предложила Польше урегулировать проблемы Данцига и «польского коридора» на основе сотрудничества в рамках Анти-коминтерновского пакта. Польскому руководству было предложено практически в ультимативной форме согласиться с включением Данцига в состав Третьего рейха. Немцы требовали пока разрешения на постройку экстерриториальных шоссейной и железной дорог через «польский коридор». А также вступления Варшавы в Антикоминтерновский пакт.

Немцы в ответ на положительное решение этой проблемы обещали «продлить на 25 лет соглашение от 1934 года и гарантировать существующие германо-польские границы».

По существу, предлагался щит, буфер, тыловое прикрытие от Востока, в том числе и от СССР. Аппетит у Адольфа Гитлера рос с каждым новым его политическим шагом.

В это время Польша и Румыния разрабатывали планы решения «украинского вопроса» путем отторжения УССР от Советского Союза. Гонористые ляхи любили порассуждать на этих посиделках о слабости Советской России. Таким образом, Польша продолжала традиционную политику балансирования между Москвой и Берлином.

Относительно вопроса о Данциге, до начала 1939 года Берлин так и не получил желаемого ответа. Гитлеру это категорически не понравилось. Он собрал в своем рабочем кабинете рейхсканцелярии главнокомандующих сухопутными силами, ВВС, ВМС и изложил, судя по записям главного адъютанта подполковника Шмундта, свои соображения на ближайшее будущее. Он, в частности, как обычно многословно, заявил:

– Восьмидесятимиллионный народ разрешил идеологические проблемы. Должны быть разрешены и экономические проблемы… Для решения проблем требуется мужество. Принцип ухода от их решения путем приспособления к существующим условиям неприемлем. Наоборот, надо условия приспосабливать к требованиям. Сделать это без вторжения в чужие государства или нападения на чужую собственность невозможно.

Данциг – отнюдь не тот объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на восток, и об обеспечении продовольствием никакой другой возможности в Европе не видно.

Таким образом, вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает, и остается решение при первой подходящей возможности напасть на Польшу.

О повторении Чехии нечего и думать. Дело дойдет до схватки. Задача – изолировать Польшу. Изоляция имеет решающее значение.

Нельзя допустить одновременного столкновения с Западом.

Принцип столкновения с Польшей, начатое нападение на нее приведет к успеху только в том случае, если Запад останется вне игры. Если это невозможно, то лучше напасть на Запад и при этом одновременно покончить с Польшей…

Война с Англией и Францией будет войной не на жизнь, а на смерть. Нас не вынудят вступить в войну, но нам самим без нее не обойтись.

Провидение, как не раз подчеркивал Гитлер перед генералитетом, ему подсказывает: войну с Польшей он выиграет быстро. Но для того чтобы напугать Запад, и в первую очередь Англию – вековую ненавистницу России, следует заручиться миром с Москвой.

В Москву 23 августа 1939 года прибыл Риббентроп, и в ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол, определивший сферы интересов сторон в Восточной Европе. В сферу интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, часть территории Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия.

Благодаря этому соглашению Советский Союз впервые за всю свою историю добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы.

Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Англии и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе и крупного конфликта на Дальнем Востоке, где в это время шли бои на Халхин-Голе с японскими войсками.

Конечно, за это Москве пришлось взять на себя обязательства отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду.

Получив рано утром 24 августа донесение Риббентропа об успехе его миссии, Гитлер дал выход своим чувствам. В маниакальном исступлении он стучал кулаками по стене и кричал:

– Теперь весь мир у меня в кармане!

А 1 сентября 1939 года, после известной провокации в Глейвице, началась Вторая мировая война.

Утром 1 сентября Германское информационное бюро (ГИБ) распространило под общим заголовком «Поляки совершили нападение на радиостанцию в Глейвице» следующее сообщение:

«Бреслау. 31 августа.

Сегодня около 8 часов вечера поляки атаковали и захватили радиостанцию в Глейвице. Силой ворвавшись в здание радиостанции, они успели обратиться с воззванием на польском и частично немецком языке. Однако через несколько минут их разгромила полиция, вызванная радиослушателями.

Полиция была вынуждена применить оружие. Среди захватчиков есть убитые».

«Оппельн. 31 августа 1939 года.

Поступили новые сообщения о событиях в Глейвице.

Нападение на радиостанцию было, очевидно, сигналом к общему наступлению польских партизан на германскую территорию. Почти одновременно с этим, как удалось установить, польские партизаны перешли границу еще в двух местах.

Это тоже были хорошо вооруженные отряды, по-видимому, поддерживаемые польскими регулярными частями. Подразделения полиции безопасности, охраняющие государственную границу, вступили в бой с захватчиками. Ожесточенные действия продолжаются».

Как известно, случается, что обман приносит успех, но он всегда кончает жизнь самоубийством, как и носитель этого плутовства. Но это будет потом, а пока фюрер ликовал из-за удачного повода для войны.

Теперь Германия была уверена, что Франция и Великобритания не станут вмешиваться в конфликт с Польшей.

В 4:30 утра 1 сентября 1939 года германские ВВС нанесли массированные удары по польским аэродромам.

В 4:45 учебный артиллерийский корабль (бывший броненосец) «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по Вестерплятте. Одновременно сухопутные войска Германии групп армий «Север» (3-я и 4-я) и «Юг» (8, 10 и 14-я) перешли границу Польши во исполнение стратегического замысла операции «Вайс».

Обсуждать ход ведения боевых действий не входит в тему этой книги. Остановимся на том, что, несмотря на мужественное сопротивление поляков, 28 сентября в 13:15 был подписан акт о капитуляции Варшавы.

А 2 октября в Варшаве в присутствии Гитлера состоялся парад победы вермахта.

* * *

Из большой и важной центральноевропейской страны, оставшейся не разгромленной, была теперь только Франция. Остальные государства для нацистов являлись «семечками».

Немецкие войска 9 апреля 1940 года вторглись в Бельгию и Норвегию.

Французская кампания, или падение Франции, – это успешная военная операция под кодовым названием «Гельб» стран «оси» во главе с Германией в Западной Европе, в частности, против стран Бенилюкса – Бельгии, Голландии, Люксембурга, а также Франции, начатая 10 мая 1940 года. Повод нашелся быстро – Франция объявила войну Германии еще 3 сентября 1939 года в связи с ее нападением на Польшу.

К началу сентября 1939 года во Франции вдоль сильно укрепленной линии Мажино располагались франко-британские части и подразделения, а у линии Зигфрида сконцентрировались немецкие войска. У французов сил было больше. Войска позиционно стояли друг против друга, но никто не стрелял. Над окопами, блиндажами, дотами и другими укреплениями стояла совсем не тревожная тишина. В тот период были частые туманы. Так вот, когда сизая пелена рассеивалась, французские и британские офицеры бросались к биноклям. И они видели идиллическую картину: немцы пропалывали фронтовые огороды с капустой и другими овощами, занимались стиркой обмундирования, купанием, играли в футбол и волейбол. Дымились совсем не замаскированные полевые кухни. Фрицы пиликали на губных гармошках. Это противостояние со временем назовут «странной войной». Создавалось впечатление, что Берлин переориентировался на отдых.

Германия на востоке воевала с Польшей. Если бы французы ударили с запада, Германия была бы разгромлена уже тогда с подключением союзников Франции. Но случилось то, что случилось. После того как была проглочена Польша, Гитлер взялся за Францию.

Первоначально немецкий план этой кампании опирался на главную идею бывшего военного стратега кайзеровской Германии Шлиффена – обход французских укрепленных линий через Бельгию и нанесение удара с северо-западного направления. Но было несколько «но»: отсутствовал элемент внезапности, требовалось много танков, тяжелая местность с оврагами, горами и густолесьем. Но Гитлер настоял на проведении именно такой операции. И он не ошибся. Не численное превосходство и не превосходство в вооружении и боевой технике сделало войну победным походом, а внезапность и напористость.

По приказу Гитлера был выброшен парашютный десант спецназовцев в стратегические узлы за линией фронта. Это лишило господства над Льежским укрепрайоном форта Эбен-Эмаэль, когда прямо на территорию крепости было высажено с грузовых планеров все подразделение.

Началось неожиданное наступление 10 мая 1940 года группы армий «А» через Люксембург и казавшиеся французам непроходимые Арденны. И спустя два дня немцы оказались у Мааса.

Несколько лет назад автору довелось побывать в этих местах, и он был поражен, как могло решиться немецкое командование на этот на первый взгляд авантюрный шаг – отдать приказ танкистам прорываться по горно-овражной и густо-лесистой местности. Но они ее благополучно прошли, прорвавшись практически в тыл французам.

В авангарде шла танковая группа Эвальда фон Клейста. Севернее двигался танковый корпус Германа Гота. Танковые корпуса Георга Рейнхарда и Гейнца Гудериана, входившие в танковую группу Клейста, стремительно форсировали реку Шо у Монтерме и Седана.

Группа армий «В» уже 9 мая прорвала оборону французской 10-й армии и вышла к Сене.

Уже 10 мая итальянский диктатор Муссолини понял, что поражение Франции неизбежно, заторопился прогнуться перед Гитлером и объявил Парижу войну. Итальянская группа армий «Вест» в количестве 32 дивизий под командованием принца Умберто II начала наступление, но в день капитуляции Франции группа «макаронников» была остановлена. Это был провал итальянской военщины. Потом они повторят подобный «подвиг» под Сталинградом, а поэт Михаил Светлов напишет стихотворение «Итальянец», где будут такие слова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.